

Эксперты-лингвисты, Роскомнадзор, ФСБ и цензура российского интернета.

Как работает система цензуры, какую роль в ней играет Роскомнадзор и кто они — невидимые цензоры российского интернета?

Вот уже два года в России работает «Единый реестр запрещенной информации». Ежедневно в него попадают десятки, а иногда и сотни сайтов, содержимое которых признано «опасным». Решения суда не требуется: владелец ресурса обязан удалить спорный контент по первому требованию ответственного чиновника. «Профиль» изучил, как работает возрождённый аппарат государственной цензуры, и выяснил, что борцы с инакомыслием сидят не в Роскомнадзоре, а в ФСБ...

Единый реестр запрещённых сайтов по закону находится в ведении Роскомнадзора. Мы предположили, что новый «главлит», если он есть, обязательно имеет отношение к этому ведомству. На просьбу предоставить для беседы эксперта — борца с вредной информацией в Роскомнадзоре ответили, что таких экспертов много и сидят они в разных учреждениях.

— *Какой именно тип информации вас интересует?* — спросили в пресс-службе.

— *Например, экстремистской направленности.*

— *Это в Генпрокуратуру.*

В неофициальном комментарии сотрудница ведомства пояснила «Профилю», что им неизвестно, на каком основании Генпрокуратура принимает решение, но проверять, не ошиблись ли прокуроры, Роскомнадзор не уполномочен: пришёл запрос — выполняют. Следовательно, если эксперты и участвуют в этом процессе, то искать их нужно в Генпрокуратуре.

Гипотеза о едином цензурном комитете не оправдалась. Мы имеем дело с сетью филиалов, работу которых координирует Роскомнадзор. У каждого филиала своя тематика и свои профильные эксперты-цензоры. Мы обратились с запросом в Генпрокуратуру и попросили предоставить для интервью одного из таких экспертов.

Запросом «Профиля» в пресс-службе ведомства занимался Александр Николаевич Васильев, с ним мы общались по телефону. Васильев сразу сообщил, что в самой Генпрокуратуре экспертизой не занимаются, поэтому наш запрос перенаправили в организацию, услугами которой они пользуются в таких случаях. Сообщить название организации Васильев наотрез отказался. Ответа мы ждали около двух недель. Наконец в пресс-службе Генпрокуратуры нам пообещали поторопить неизвестную организацию и ещё раз попросили перезвонить «завтра». После этого «завтра» Васильев перестал брать трубку, а на факс редакции спустя несколько дней пришёл ответ. Его содержание сводилось к следующему: вы обратились не по адресу, экспертов у нас нет; принимая решение об ограничении доступа к сайтам, Генпрокуратура пользуется услугами психологов и лингвистов из «специализированных учреждений, в том числе МВД России, Минюста России, а также научно-исследовательских и образовательных организаций». Знакомить с цензорами нас явно не желали.

Неуловимый экстремизм

Тогда мы решили найти их самостоятельно. Для этого корреспондент «Профиля» побеседовала со специалистами, к услугам которых правоохранители потенциально могли прибегать, вынося решение о блокировке экстремистских материалов. Промониторив тему психолого-

лингвистической экспертизы в интернете, мы нашли сразу несколько судебных дел, экспертизу по которым проводила «Лаборатория прикладной лингвистики», и решили начать с неё.

Главный эксперт лаборатории, лингвист Андрей Смирнов, работает в этой сфере около 30 лет и до открытия собственной лаборатории был ведомственным экспертом Минюста. Рынок прикладной лингвистики вообще довольно узок: все авторитетные эксперты здесь коллеги или бывшие коллеги, они регулярно встречаются на всероссийских конференциях и знают всё о профессиональных успехах или провалах друг друга.

На вопрос о том, участвует ли он или его коллеги в отсеивании «опасной» информации, в частности экстремистских материалов, Смирнов ответил, что мы неправильно себе представляем, как устроена система борьбы с инакомыслием. По его словам, главный по инакомыслию у нас в стране не Роскомнадзор, а ФСБ. В этом смысле мало что изменилось с советских времен.

«В советское время борьбой с инакомыслием занималось «5-е управление» КГБ, сейчас оно называется «управлением по борьбе с экстремизмом», — говорит Смирнов. — Это примерно то же самое, поскольку экстремизм — это в том числе некоторое инакомыслие».

Поиск экстремистов и экстремистских материалов ведут правоохранители, а исследованием, если оно нужно, занимаются свои же ведомственные эксперты.

Свои экспертные подразделения есть не только в ФСБ, но во всех правоохранительных органах без исключения. Есть свой научно-исследовательский институт и в Генпрокуратуре — НИИ Генпрокуратуры. Специалисты там, по словам Смирнова, довольно квалифицированные. *«Ещё в советские годы они разработали очень хорошую методику для анализа антисемитских текстов», —* рассказал эксперт. Эта методика используется и сегодня для выявления в текстах ксенофобии.

Из слов Смирнова следовало, что «мозговой центр» распределённого по стране цензурного ведомства был и остается в правоохранительных органах. Именно оттуда исходит заказ на соответствующие законы и психолого-лингвистическое обоснование тех «мыслепреступлений», которые не дают покоя ФСБ.

Но природа этих преступлений, интуитивно понятная следователю, для лингвистов остается пока terra incognita. *«Сами эксперты хорошо знают свою область, но не очень понимают, чего от них хотят законодатели, —* говорит Смирнов. *— Был комичный случай, когда эксперты признали экстремистской лимоновскую листовку «Долой самодержавие!» Все долго смеялись, потому что, признав её экстремистской, эксперты сами утверждали, что у нас самодержавие».*

По этой причине серьёзные специалисты в сфере лингвистики не любят тему экстремизма и предпочитают держаться от неё подальше. *«Никто не хочет вляпываться», —* отмечает Смирнов.

Последние полгода специалисты, которых угораздило-таки «вляпаться», пребывают в глубоком творческом кризисе. *«После введения санкций эксперты пришли в полное недоумение: у нас на государственном телевидении пошла такая пропаганда, которая по всем методикам подпадает под экстремизм», —* отмечает Смирнов.

Однако пока эксперты ломают голову над созданием той самой методики, на практике различные методики с большим или меньшим успехом используются уже давно. Кроме уже упомянутой методики НИИ Генпрокуратуры, которая применима лишь к небольшой части экстремистских текстов, есть более сложная методика Минюста, выпущенная в 2011 году и дополненная в 2013-м (есть в распоряжении «Профиля»). Её авторы попытались охватить все значения слова «экстремизм», изложенные в законе. «Экстремистское» значение каждого из выделенных семи типов (призыв, пропаганда, оправдание, обвинение, угроза, унижение, возбуждение) имеет свои специальные признаки (диагностический комплекс признаков), установление которых и составляет конкретную экспертную задачу», — говорится в методике.

Например, чтобы установить «специальные признаки» пропаганды экстремизма, лингвист и психолог должны ответить на два непростых вопроса: 1) стремится ли автор сделать адресата своим единомышленником? 2) выражена ли в тексте цель «убеждение», то есть «побуждение к изменению мнения»?

На более чем 300 страницах текста эксперты кропотливо разбирают, в каком случае слова побуждают к действиям, а в каком — к чувствам и мыслям. По тексту методики видно, что её написание не просто далось авторам. Там считаются все вопросы, которыми, очевидно, их мучили критики и скептики. Методика предостерегает эксперта от использования слова «экстремизм»: правовую квалификацию даёт юрист, а лингвист только выносит заключение, есть ли в тексте «высказывания, которые оправдывают следующие действия». А действия перечислены в законе: насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности РФ, подрыв безопасности РФ, захват или присвоение власти, терроризм, воспрепятствование законной деятельности органов власти, публичная клевета на представителей власти, изготовление экстремистских материалов. Со всеми этими «предметами речи» обращаться нужно крайне осторожно.

Комментируя закон об экстремизме, авторы методики разъясняют, что он не запрещает мыслей до тех пор, пока они не превратятся в слова. «Закон запрещает публичное изложение определённых мыслей, т.е. их вербализацию, а не сами мысли, — говорится в методике. — При этом для одних «мыслей» запрещается вербализация четвёртой, побудительной стадии, для других запрещена уже вторая, оценочная».

В методике предусмотрены и сложные случаи, когда «побуждения к действию» в тексте нет, но найти его всё равно можно. Здесь экспертам рекомендуют руководствоваться особой инструкцией. Согласно ей, высказывание можно отнести к побуждающим, если:

- 1) негативные действия, описанные в законодательстве, упоминаются в явном виде; они имеют отношение к актуальной ситуации и обсуждаемой проблеме;
- 2) автор явно выражает к ним позитивное отношение;
- 3) аудитория (её отдельные представители) способна выполнить эти действия;
- 4) о том, что эти действия не должны выполняться аудиторией, ничего не сказано.

Это, конечно, не методика с большой буквы, но во всяком случае эксперты называют её «пристойной» по сравнению с другими методиками и их авторами, которых мы ещё коснемся. *«Там неплохая лингвистика, но есть проблемы с вычленением объекта: что именно считать нехорошим?»* — говорит Смирнов. У него и его коллег вызывает сомнения психологическая

сторона методики: ущерб от словесного преступления измерить очень трудно, и методика этого не предусматривает. Получается «преступление без жертвы». Авторы исследования — бывшие коллеги Смирнова по Минюсту. Одна из них, Юлия Сафонова, сейчас возглавляет экспертный центр — тоже по теме экстремизма — при правительстве Москвы.

Сама Сафонова по телефону отказалась обсуждать достоинства и недостатки своей методики, а при личной встрече заявила, что у корреспондента «Профиля» не хватает квалификации, чтобы правильно задавать вопросы о «предмете речи». Произносить слово «экстремизм» в беседе с ней считалось признаком непрофессионализма или бестактности, между тем закон об экстремизме, насколько можно было понять из её слов, Сафонова считает четким и понятным.

— Она другого не может сказать, ведь она сотрудник государственного ведомства, — вступился за Сафонову председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам Михаил Горбаневский. Сам он, как и Смирнов, не связан с госструктурами и ругать «экстремистский» закон не боится.

«Определения видов экстремистской деятельности настолько резиновые, что под неё можно подогнать любую критическую публикацию», — уверен Горбаневский.

Надо отдать должное Сафоновой, именно она посоветовала корреспонденту «Профиля» обратиться к Горбаневскому и даже дала его телефон: он, мол, будет более разговорчив.

Минюст также отказал «Профилю» в беседе по выпущенной им методике. Из официального ответа ведомства следует, что министерство считает «нецелесообразным» посвящать широкую публику в детали методики, предназначенной для «государственных судебных экспертов».

Несмотря на то что Сафонова — одна из тех, кто, по выражению Смирнова, «вляпался» в неблагодарную тему, коллеги отзываются о ней с уважением, пониманием и почти с нежностью, отмечая, что сама она «непристойных» экспертиз по своей методике не делала и в резонансных делах не запачкалась.

Смирнов рассказывает, что именно её центр делал первую экспертизу по делу Pussy Riot.

«Её девочки написали вполне пристойную экспертизу, объяснив, что никакого экстремизма там нет и близко, — говорит он. — Но суд эту экспертизу не принял».

По мнению Смирнова, основанием для этого послужил тот факт, что на выходе экспертиза оказалась неполной.

«Руководство центра, вероятно, выше Сафоновой, удалило из этого текста значимую часть, а именно «что в тексте есть». Осталось «чего там нет», а нет там экстремизма», — говорит он.

Горбаневский приводит другой пример, когда Сафонова со своей методикой не пошла на поводу у правоохранителей.

«Однажды от них потребовали исследовать на предмет экстремизма книгу политолога Андрея Пионтковского. Исследовали долго, три месяца, но не нашли там того, что хотела видеть Генпрокуратура», — говорит эксперт.

Впрочем, методика Минюста, хотя и является наиболее авторитетной на сегодня, не служит обязательным стандартом для всех экспертов, которые исследуют экстремистскую тематику. Нет системы, которая позволила бы обязать экспертов-лингвистов использовать единую методику. Это, в частности, позволяет судьям прибегать к помощи тех экспертов, чья методика им больше нравится. Когда суд по делу Pussy Riot не принял «оправдательную» экспертизу от центра Сафоновой, за дело взялся некий эксперт-самоучка Виталий Батов и написал «обвинительную» экспертизу, которую приняли. Опрошенные «Профилем» эксперты сомневаются в профессиональных качествах Батова и избегают называть его коллегой. После дела Pussy Riot он ещё не раз выступал автором скандальных лингвистических экспертиз, которые тем не менее принимались судом.

Свои «Батовы» бывали в жизни каждого профессионального лингвиста, когда суд не принимал их «оправдательную» экспертизу по методике и обращался к какому-нибудь «молодому доценту» из местного университета или условному «Пете» из местного отделения Роскомнадзора. Массу подобных историй рассказал «Профилю» Горбаневский. Так, например, случай с закрытием газеты «Якутск вечерний» дошёл до суда. Тогда-то и выяснилось, что никакого исследования материалов газеты не проводилось: заключение с опорой на мнимую экспертизу написал некий сотрудник Петя, ответственный в якутском Роскомнадзоре за газеты.

Таким образом, прокуроры и суды действительно иногда обращаются к внешним экспертам — авторитетным и не очень, — но не в тех случаях, когда нужно оперативно решить, заблокировать сайт или нет, а в рамках конкретных уголовных дел. В Минюсте нам заявили, что не знают, как работает система поиска и выявления запрещённой информации в интернете, поскольку в этой деятельности не участвуют. Опрошенные нами независимые и государственные эксперты стояли у истоков дискуссии об «экстремизме» в своём профессиональном сообществе, но ни их, ни других их авторитетных коллег Генпрокуратура ни разу не привлекала к анализу «опасного» контента в случаях, когда сайт требовалось заблокировать до суда. Всё указывало на то, что сфера поиска, оценки и запрета экстремистских материалов в интернете целиком отдана на откуп правоохранителям.

«Министерство» по сбору кляуз

Убедившись в том, что Генпрокуратура не предоставила нам всю информацию по интересующему нас вопросу, мы отправили в ведомство повторный запрос. В ожидании ответа «Профиль» разбирался, кто занимается поиском и отсевом других видов «запрещённой» информации в интернете.

Итак, если говорить о профессиональном сообществе лингвистов, тех, кто регулярно видятся на общероссийских конференциях, вырабатывают общие подходы в решении спорных вопросов и дорожат своей репутацией, — то их менее 200 по всей стране. Производительность любого экспертного центра или подразделения средней величины невелика. По данным Смирнова, это 300–400 исследований в год. Ясно, что силами экспертов такого уровня очищать интернет слишком дорого, да и невозможно: у них другой работы хватает.

Мы вновь обратились в Роскомнадзор и узнали: обязанности по поиску, анализу и запрету других видов «опасной» информации распределены между тремя ведомствами. Так, поиском, анализом и запретом информации о наркотиках занимается Госнарконтроль. Ответственным за самоубийства назначен почему-то Роспотребнадзор, а специалистов по детской порнографии нашли в самом Роскомнадзоре.

Дополнительного финансирования и открытия специальных ставок для штатных цензоров закон о едином реестре запрещённой информации не предусматривает. Очистка интернета ложится на чиновников как дополнительная нагрузка. Мониторингом интернета и оценкой вредной информации занимаются в лучшем случае ведомственные эксперты. Пресс-секретарь Роскомнадзора Вадим Амелонский подтвердил, что такие эксперты в ответственных ведомствах действительно есть.

«Все они в обязательном порядке сертифицируются государством и проходят специальное обучение», — заявил он.

Судя по всему, это обучение и сертификация — глубоко внутриведомственное дело. Ни Смирнов, ни Сафонова, ни Горбаневский никогда в таких сертификациях не участвовали.

«Я бываю на разных экспертных тусовках, но никогда не встречала экспертов, которые этим (досудебным исследованием спорного контента. — «Профиль») занимаются. Я сама хотела бы знать, кто эти люди, и на основании чего они принимают решения», — сказала Сафонова.

«Система очень размытая: в разных местах этим занимается много людей, — говорит Смирнов, — такие подразделения есть и в Генпрокуратуре, и в Следственном комитете. Я это знаю, потому что одна моя знакомая им преподаёт. В основном это молодые люди. По крайней мере те дети из Роскомнадзора, которые ко мне учиться приходили, — все они недавно закончили учёбу».

Смирнов полагает, что обязанность исследовать «вредную» информацию легла именно на них. Он рассказывает, что обзавестись собственными экспертами ведомствам пришлось после того, как дела о запретах стали доходить до суда, где выяснялось, что экспертизы не было.

«Теперь они хотя бы пишут в таких случаях короткую справку с обоснованием, но это несерьезное дело», — отмечает он.

«У нас не было возможности увеличивать штат, поэтому специальный департамент был создан в подведомственном Роскомнадзору предприятии — Главном радиочастотном центре, — рассказывает Амелонский. — С детской порнографией у нас работают прежде всего психологи (мы сотрудничаем с психологическим факультетом МГУ), а также культурологи, педагоги, социологи, лингвисты».

Департамент, по его словам, насчитывает несколько десятков сотрудников. Из них 20–25 человек непосредственно занимаются ведением реестров, то есть обрабатывают поступающие обращения, вносят в реестры нарушителей, отправляют им уведомления и отслеживают, удалена ли противоправная информация. Ещё столько же или чуть меньше сотрудников занимается мониторингом и экспертизой.

Поиск ведётся вручную: специальной программы ещё нет, её пробную версию планируют запустить до конца года. Это будет автоматизированный мониторинг сети по ключевым словам — пока только по теме детской порнографии.

Смирнов отмечает, что к автоматизации процесса Роскомнадзор не особенно стремится. Несколько лет назад ведомство размещало заказ на разработку сложной системы мониторинга интернета. *«Разработка этой системы, если следовать техническому заданию, стоила гораздо дороже 16 млн рублей — максимальной цены заказа», — говорит он.* Фирма, которая выиграла

конкурс, понизив стоимость заказа вчетверо, выполнила лишь часть задания, и Роскомнадзор работу не принял. Смирнов считает, что ручного поиска ведомству пока хватает. *«Они и так находят больше, чем могут съесть»*, — заключает он. Есть все основания полагать, что мониторить сеть самостоятельно у них просто нет времени: заявления о нарушениях валом идут от добровольцев.

Действительно, существующая сегодня национальная система цензуры больше напоминает централизованную систему сбора кляуз. *«В массовом порядке, насколько я понимаю, этим (написанием жалоб. — «Профиль») занимаются некоторые молодежные организации вроде «нашистов» и «Молодой гвардии» или какие-нибудь «родительские комитеты» в регионах, среди них много озабоченных проблемами нравственности»*, — говорит Смирнов.

На сайте Роскомнадзора есть специальная форма, через которую любой желающий может сообщить о нарушении. По закону Роскомнадзор должен сортировать эти заявления по темам и направлять в соответствующие ведомства: Госнарконтроль, Роспотребнадзор, Генпрокуратуру, — или оставлять у себя, если это жалоба на детскую порнографию.

Волонтеры очистки

Активным поиском нарушений занимается Лига безопасного интернета. Как пояснили «Профилю» в пресс-службе лиги, они ищут не только детскую порнографию, но и порнографию вообще, а также всё, что касается пропаганды наркотиков и алкоголя, призывов к самоубийству. Всё это они сначала сами анализируют, а потом направляют в ответственные ведомства: Роскомнадзор, Роспотребнадзор и Госнарконтроль. По закону блокировке подлежит только детская порнография. Что они делают со взрослой порнографией, в лиге не уточнили.

Основной трудовой ресурс лиги — это добровольцы, «озабоченные безопасностью интернета», пояснили нам в организации. Озабоченных, по данным пресс-службы, 20 тысяч человек по всей стране. Они называются кибердружинниками. Дружинником может стать любой желающий, зарегистрировавшись на сайте. Специального образования или профессиональных навыков не требуется. Для дружинников разработана особая система поощрения: наиболее активным из них присваиваются почетные звания. Сообщил о десяти «опасных» сайтах — становишься «десятиником», заложил сотню нарушителей — «сотником», тысячу — «тысячником». Самых активных приглашают на «слёты» в Москву.

Сами кибердружинники называют себя в первую очередь помощниками полиции. Например, организация сообщает, что за первое полугодие 2014 года правоохранители возбудили 540 уголовных дел в связи с распространением детской порнографии. Из них 190 преступлений выявили с помощью кибердружинников.

Об усердии кибердружины можно судить и по другим данным. За два года в Роскомнадзор поступило около 140 тысяч жалоб в связи с обнаружением «опасной» информации. Но лишь в 14% случаев информация была признана действительно вредоносной, и ресурсы внесены в реестр. И только 4,5–5% ресурсов были заблокированы, остальные успели удалить спорный контент в установленный срок.

Кстати, постановление правительства о Едином реестре позволяет понять, сколько времени в среднем отводится профильным ведомствам на экспертизу потенциально опасного контента: несколько. Ответ должен поступить в течение суток с момента пересылки Роскомнадзором жалобы. Этого времени едва хватит для выполнения всех необходимых бюрократических

процедур. А заявлений в день с учетом усердия кибердружины может поступить и 50, и больше. Возможно, этим объясняются некоторые абсурдные случаи блокировки. Например, один из блогов был заблокирован за комментарий на «падонковском языке»: «*Аффтар, убей sibя ап стену*». Эксперты Роспотребнадзора всерьёз сочли это призывом к самоубийству.

Прокуроры без границ

С тремя видами опасной информации ситуация более-менее прояснилась. Детскую порнографию, пропаганду самоубийств и наркотиков ищут в основном силами добровольцев, «анализируют» в течение одного рабочего дня и после этого вносят в реестр. Критерии вредоносности утверждены ведомствами и находятся в открытом доступе. Три ответственных ведомства — Роскомнадзор, Роспотребнадзор и Госнарконтрозль — работают в связке, старшим в этой тройке выступает Роскомнадзор: он может указать двум другим ведомствам на нарушение инструкции, если те затают с исследованием «опасной» информации и не пришлют ответ в течение суток. Со снятием блокировки здесь тоже все довольно ясно: по закону владелец ресурса вправе требовать возобновления доступа к заблокированной странице, как только спорный контент удален.

Сложнее обстоит дело с экстремистским контентом, отсевом которого занимается Генпрокуратура. Этот вид запрещённой информации был утверждён последним в феврале 2014 года. Поиск, анализ и блокировка «экстремистских» материалов в сети происходит иначе, чем в случае с другими видами запрещённой информации. Этот процесс регулируется отдельным законом (имени Лугового–Яровой), и старшим ведомством здесь является уже Генпрокуратура, а не Роскомнадзор.

По закону генпрокурор может потребовать от Роскомнадзора немедленной блокировки ресурса, где правоохранители найдут «призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка». Учитывая, что «экстремистская деятельность» включает теперь не только насилие, но и разного рода «оправдания», «одобрение» и «клевету», основанием для блокировки может быть что угодно.

Ранее мы выяснили, что при принятии решения о блокировке Генпрокуратура действует весьма автономно. К авторитетным независимым экспертам она не обращается, в Минюст, как выяснилось, тоже. В МВД (которое тоже фигурировало в ответе Генпрокуратуры) специалистов такого уровня нет, это не их профиль, пояснили нам эксперты. Авторитетная методика сегодня одна — утверждённая Минюстом. К её разработчикам за консультацией Генпрокуратура тоже не обращается. То есть критерии «опасности» информации определяет само ведомство.

— *Должна ли Генпрокуратура перед кем-нибудь отчитываться в своих действиях, предоставлять данные экспертизы?* — поинтересовались мы в Роскомнадзоре.

— *Генпрокуратура — высший надзорный орган в нашей стране, —* говорит Ампелонский. — *Они надзирают в том числе и за нашей деятельностью. И если тот или иной сайт не будет заблокирован по их требованиям, нам вынесут соответствующее предписание.*

По закону сайт, заблокированный по требованию Генпрокуратуры, должен быть разблокирован, после того как владелец удалит с него информацию, признанную экстремистской. Но закон Генпрокуратуре не указ.

— Неужели портал «Грани.ру», который до сих пор заблокирован, не удалил некий спорный материал?

— Здесь действует другой механизм. Мы снимаем блокировку в том случае, если Генпрокуратура пишет: такая-то информация является противозаконной, удалите и после этого разблокируйте, — поясняет Ампелонский. — В случае с порталом «Грани.ру» обращение Генпрокуратуры было оформлено следующим образом: «Грани.ру. Ограничить доступ». Всё. Там не было самого решения Генпрокуратуры и указания на информацию, которую необходимо удалить.

— У Генпрокуратуры всегда предписания к блокировке так лаконичны — без лишних слов и объяснений?

— По-разному. Вообще в последнее время они значительно продвинулись вперед по оформлению своих требований. Сейчас очень мало предписаний составлено таким образом, что непонятно, какую информацию необходимо удалить.

— Требования о блокировке «Ежедневного журнала» и «Каспаров.ру» выглядели так же, как в случае с «Гранями.ру»?

— Да, они требовали ограничить доступ ко всему ресурсу. Они посчитали, что весь ресурс нарушает законодательство, и цель его в привлечении общественного внимания к противоправным действиям, например к массовым беспорядкам.

Директор правозащитного центра «Сова» Александр Верховский уже много лет взаимодействует с Генпрокуратурой по делам, связанным с экстремизмом. По его словам, в Генпрокуратуре никто специально не занимается мониторингом интернета с целью найти что-нибудь экстремистское.

«Сбором информации об экстремистских материалах занимаются нижестоящие прокуроры, Генпрокуратура редко опускается до этого», — отмечает правозащитник. Такого рода сведения собирают в ходе следственных действий плюс ещё получают жалобы от граждан.

«Но блокировка по заявлениям граждан — явление редкое. Судя по тому, какие ресурсы блокируются, заявления идут не от обычных граждан, а из ФСБ, это в их компетенции», — говорит Верховский.

Что касается внутренних экспертов ведомства, то это, по словам правозащитника, чаще всего люди, с которыми Генпрокуратура имеет договорённости. Например, это может быть преподаватель местного университета, но он при этом работает в личном качестве, а не как специалист от вуза.

«В НИИ Генпрокуратуры тоже есть люди, которые могут выступать в роли экспертов, — продолжает Верховский. — Но на самом деле роль эксперта здесь вспомогательная: Генпрокуратура сама принимает решение, есть призыв или нет».

Верховский подчёркивает, что закон не предписывает проводить экспертизу.

«Если без эксперта нельзя понять, есть призыв или нет, это, наверно, очень плохой призыв, — продолжает он. — Конечно, есть много спорных случаев, но вам никто не скажет, были там задействованы эксперты или нет. Они не обязаны отчитываться. Генпрокурор принимает

решение, почему — это его дело. Когда было судебное разбирательство по «Ежедневному журналу» и по «Граням», они так и сказали: объяснять не будут, закон их не обязывает».

Генпрокуратура ответила на повторный запрос «Профиля», и этот ответ подтвердил основные выводы нашего расследования. В ведомстве пояснили, что Генпрокуратура, хотя и обладает полномочиями направлять материалы на психолого-лингвистическую экспертизу, сама это делает нечасто.

Поскольку эта работа достаточно эффективно проводится нижестоящими прокурорами и указанными выше правоохранительными органами (СК России и ФСБ России)», — говорилось в ответе. Там было также указано, что в НИИ Генпрокуратуры исследованием спорных материалов не занимаются.

Ответ Генпрокуратуры объяснил, почему в Минюсте об их запросах ничего не слышали: поиском и экспертизой занимаются нижестоящие органы. О том, где берут экспертов рядовые прокуроры, мы частично говорили выше. Требования запретить приходят также от равновеликих ведомств — СК и ФСБ. Эти уж точно не станут обращаться за экспертизой в Минюст с его методикой. В частности, в ФСБ есть свой закрытый экспертный институт, который специализируется на теме экстремизма. Его услугами время от времени пользуется и Роскомнадзор, когда дело касается спорных текстов в СМИ, рассказал «Профилю» источник в ведомстве.

Таким образом, Генпрокуратура, как и Роскомнадзор, не содержит своего штата цензоров, но аккумулирует те требования о запрете, которые поступают к ней от нижестоящих коллег из разных ведомств. Это значит, что единого стандарта «благонадёжности» для публикаций в интернете нет и быть не может: экспертиза содержимого сети отдана на откуп сотням разнопрофильных ведомств по всей России, и у всех них свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо.

<http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-322019/>